

1984 года ● 6

Как это делается —

СВЕТ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

ПОДНЯЛСЯ занавес. И раздались аллодисменты. Еще не прозвучало ни одной арии. Аллодисменты певцам или балеринам будут потом. А эти — художникам, мастерам света. Так неизменно встречаются прекрасные декорации Большого театра, оживающие в трепещущем свете разноцветных прожекторов.

Я сижу не в партере или в одной из многих лож, а в регуляторе. Такое название в ГАБТе носит небольшое помещение на уровне бельэтажа. Отсюда все видно и слышно. Даже голос Бориса Ивановича Лелюхина — главного художника по свету.

— Сейчас мы сделаем «Рассвет над Москвой-рекой», — обращается он к осветителям. — Шестой софит нужно поднять. Выше, выше, еще выше!

Словно по «мановенкию» его голоса движется прожектор со светофильтром, подсвечивающим горизонт.

Любой сегодняшний театр немислим без техники, светотехники, электроники. В распоряжении Б. Лелюхина, например, сотни прожекторов со светофильтрами 35 оттенков. Надо привести в движение декорации, подсветить горизонт, подчеркнуть особенности лица и фигуры главного героя? Пожалуйста! Для этого существует дистанционное управление. Оно гораздо предприимчивее волшебной палочки. Нажимается кнопка на центральном пульте, и...

Вот мы видим на переднем плане артистов, изображающих стрельцов. А задний план — могучая темная стена соснового бора. Нам ясно, что это декорация, что эта стена непроницаема. Но вот нажимается нужная кнопка на пульте, «в игру вступает» свет, и все изменяется — перед глазами зрителей расступаются вековые деревья, видны тропинки в лесу.

Искусство «писать» живые картины светом проявляется и в заключительном действии «Хованщины», когда создается полная иллюзия пламени, охватившего скит. В истории Большого театра был даже случай: дежурившие молодые пожарники так были потрясены увиденным, что, забыв, где они находятся, бросились спасать людей, набившихся в декорацию скита. Тревога оказалась ложной...

Я видела, что осталось от «пожара» на сцене после спек-

такля. Там уже были сложены доски с прикрепленными к ним бесцветными доскутами. Это они под ударами воздушных струй, в свете софитов превращались в бушующее «пламя». Сейчас их опустят в трюм. Не корабельный, а театральный. Он простирается под всей сценой. В нем работают машинисты, декораторы, бутафоры, электрики, механики — многие сотрудники художественно-постановочной части Большого театра, которой руководит заслуженный деятель искусств РСФСР А. Чарухчианц.

От ветеранов можно услышать рассказ о том, как Ф. Шалпин любил подниматься на чердак, где в кровлю вделана художественная решетка, сквозь которую в атмосферу уходят пары и газы, скопившиеся в театре. Его интересовали люстровый коридор и люстровое помещение. Артист величал его «опочивальной барыни люстры». При приближении к ней Шалпину вручали бамбуковую трость с фитильком. Им он зажигал лампы. Кстати, светильный газ для последних вырабатывал специальный заводик Большого театра, стоявший во дворе Малого театра на Неглинной улице.

Да, «барыня люстра» — главная люстра в зрительном зале, — хотя прямого участия в спектаклях не принимает, все же является достопримечательностью ГАБТа. Время от времени ее опускали в партер, частично освобождавший от кресел. Здесь лампы наполняли горючим. Люстру очищали от пыли, нагара. Затем поднимали в «опочивальню».

Тая было раньше. Впрочем, то же самое происходит и теперь. После подъема в люстровое помещение ею занимаются электрики, дающие току возможность протекать по жилам проводов.

Когда в зале, где еще не поднят занавес, зрители любят знаменитой люстрой, разноцветными искрами ее хрустальных подвесок, буквально парящих в воздухе, мало кто задумывается над тем, что вес этой красавицы полторы тонны. Да и возраст тоже солидный. Она поселилась здесь 121 год назад.

Г. АЛОВА.